

16+

Лилия Мигаро

"И БОЛЬШЕГО НЕ НАДО"
история одной любви

Лилия Мигаро

И большего не надо.

История одной любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48621570

SelfPub; 2019

Аннотация

Легко любить в 16. А когда ты обожглась, когда от тебя отвернулась семья, друзья и все общество в котором ты росла и воспитывалась, когда тебя выбросили на улицу с младенцем на руках? Когда провидица увидела тебя в личных подругах самой королевы? О, поверить и довериться, ну уж нет. Лучше обезопасить себя. Проводить редкие вечера с чужим мужчиной и никого не пускать в сердце... Только вот сердцу не прикажешь и разума оно не слышит. Один поцелуй, одна невинная ночь вместе и все, там больше нет места другому. Но мне 35, ему 25... И нам на все наплевать! Ведь есть любовь и большего не надо.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ «И БОЛЬШЕГО НЕ НАДО»

Предисловие.

Знакомство, со взрослой жизнью

Я не девочка. Да, мне и не 15 лет. Я та, от кого отказался мой отец и теперь ношу приставку к имени рода дэс. Это значит, что я отлучена от рода, почти как изгнана. Я его позор. Я, Катарина дэс Вильямс. Пусть не первая красавица, но я имела успех у мужчин. Высокая, каштановые волосы в косе до пояса. Карие глаза, пухлые яркие губы. Я не худышка, но стройно сложена. Мне было 16. Это было мое официальное представление в свет. Прием у четы Давис, дальних родственников царствующей семьи. Там я и встретила его. Первый на курсе, лучший адепт королевской академии, перспективный и сильный не по возрасту сильный маг. Высокий обходительный красавец блондин с голубыми глазами. Все дамы восхищались им и вздыхали, а впечатлительные девицы, вроде меня, теряли дар речи. Мужчины не видели в нем соперника – молод, но уважали за амбиции и успехи. Всегда учтив, в меру мил и желанный зять в любом доме. Даже не смотря на то, что его род не так именит и почти разорен пристрастием его отца к азартным играм, особенно к картам. И он танцевал со мной. Говорил комплименты. Мимолетно касался губами шепча шутки. Да, я юная и покоренная вниманием увлеченная дебютантка. Я была влюблена. Ах, как же я была глупа и наивна. Я не слушала матушку, я сбегала от

компаньонки, я верила ему. А все, что ему было нужно, нет не я, даже не постель со мной, мой отец. Он, Грэм Варгис, был моим миром. Он дал мне любовь и сам же ее растоптал, отнял. Он подарил мне крылья, а потом отнял даже ноги. И все это только ради перспектив, данных ему отцом.

«Это было хорошо, но не серьезно. Мы просто весело проводили время. Ты же понимаешь, что моя жена не будет пускать к себе в постель до брака даже меня»

Это потом я узнала, что попасть на практику и заключить контракт на службу в королевской гвардии он мог только с помощью отца. И в первом отец помог ему с перспективой на будущего зятя. Во втором, как откуп за его молчание. Но как выяснилось позже – зря. Я родила сына, любимого мною, моего Виторга, назвала в честь деда. Он всегда баловал меня. Я отказалась сбросить плод, за это отец отказался от меня. Моя старшая сестра была уже в браке, но и она отвернулась от меня. А братишке просто не оставили выбора. Матушка пыталась тайно поддержать меня и вразумить, но первое быстро пресек отец, а второе не имело успеха. Я осталась одна в целом мире. Приютила меня моя нянюшка. Не знаю, как она узнала, ведь уже давно не работала у нас. Она нашла меня на ступенях храма и привела к себе. Я учила детей простых людей, нянюшкиных внуков и соседскую ребятню за еду и обноски с их детей для сына. Присматривала за детьми пока все работали. Так рос и воспитывался мой сын. И мы были счастливы. Да бедны, да без собственного дома, да но-

сим обноски и едим, что бог послал. Но мы вместе, а дети дружны и с радостью делились своими улыбками со мной. А простые люди добры и благодарны.

Все изменилось, когда сыну исполнилось семь лет. Умер мой любимый дед. Он был главой рода Вильямс, но из-за болезни давно отошел от дел и всем занимался отец. О его смерти я узнала от его поверенного пригласившего меня на оглашение завещания на десятый день после похорон. Я долго плакала, как они могли, я же даже не попрощалась с ним. На оглашение я пришла с сыном. Я не хотела разжалобить родителей, нет, просто мне было не с кем его оставить. Рядом с богато одетыми моими родственниками я и сын были словно нищенки, челядь в заштопанных одеждах, застиранных и потерявших цвет, попрошайки. Но мы гордо и молча прошли к месту, выделенному мне поверенным. Мой сын не без труда отодвинул огромный и тяжелый резной стул и пододвинул его. А потом стал рядом положив свою детскую ручку мне на плечо в поддержке. Все это было в тишине и под внимательными взглядами моих когда-то близких людей. Матушка молча разглядывая утирала слезы. Сестра со страхом и брезгливостью. А брат с непониманием и растерянностью. А отец... Не знаю, на него я не посмотрела, совсем. У него было семь лет чтобы увидеться, он решил иначе, так пусть так и будет. Звенящую и затянувшуюся тишину нарушил поверенный. Мой дед перед смертью принял моего сына в род, своим названным сыном. Мне с сном назначалось содержа-

ние. Мне и сыну отходил дом в пригороде столицы и значительная часть библиотеки. А еще он создал фонд для школы, моей школы и ежемесячные пособия в него. Дед не отказывался от меня, он был рядом всегда, незримо. А я теперь была директором школы для детей из обедневших и бедных семей вне зависимости от их происхождения. Мой любимый дед даже добился от короны покровительства. Он выкупил и восстановил монастырские казармы для моей школы, нашел учителей среди разорившейся аристократии. Построил учебный корпус. Вот так в моей жизни появилась надежда. Нет, я надеялась на лучшее не для себя, для сына. Теперь я перестала рыдать ночами в подушку. Мы с сыном перестали недоедать, а еще мои ученики всегда на обед ели горячее. Мой гардероб, как и сына, сменились, в нем появились новые, пусть и дешевые вещи, и обувь по сезону и размеру. А еще, я наняла нянюшку, она собирала стирала и гладила пожертвованные вещи и обувь и давала нуждающимся. Со временем я мечтала шить детям форму, но сейчас на это не хватало денег. Нянюшку я вообще забрала к себе. Со своей семьей я по-прежнему не общалась. Они не стремились, а я не настаивала.

С Грэмом Варгисом, по долгу его службы, мы встретились намного позже. Когда королева с детьми посещали мою школу с благотворительным визитом. Но я отказала ему в общении и встречах, а сыном он не интересовался. Так мы и жили. Мои одаренные выпускники, поступали в академии,

как стипендиаты ее величества. Это было переломно, никогда ранее академии не заканчивали простолюдины. А высокому обществу, еще недавно вычеркнувшему меня из своих жизней, приходилось не просто терпеть, но и улыбаться лебезить со мной. Ведь ее величество стала частой гостьей моей школы и ее покровительницей. Она открыла подобные школы во многих городах королевства, убедила своего царствующего супруга содержать их из казны. Поэтому в высшем обществе, особенно в столице, стало модным помогать таким школам. Кто-то жертвовал деньги, кто-то книги, кто-то артефакты, перья, тетради, книги и даже мебель, картины, продукты питания, одежду и обувь. В школах подобных моей были рады всему. Я поддерживала отношения с другими директорами и часто обменивались подарками. В южных регионах было с излишком продуктов, а в северных одежды, а у меня книг, перьев и тетрадей. А еще, все школы от меня получали картины, их было в излишке. А потом меня королевским указом включили в приемную комиссию королевской академии, в награду за заслуги и как первопроходца в общедоступном образовании. Потом и в других академиях включили директоров в качестве представителей интересов их выпускников. Именно там я и познакомилась со своим новым мужчиной. Декан факультета боевой магии. Он был старше меня на 14 лет. Высокий брюнет со строгим взглядом черных, словно тьма, глаз. Он был из высшей знати с безукоризненной репутацией. Непоколбим, строг и по-военно-

му дисциплинирован. Именно с ним я посмела спорить отстаивая право юной, хрупкой девы, золотой блондинки ниже среднего роста из обедневшего дворянского рода, на обучение именно боевой магии. Сама я магией почти не владела, моего потенциала хватало не на все даже бытовые заклинания. А у этой девчонки потенциал был выше, чем у доброй половины молодцов уже зачисленных. Комиссия взирала на меня словно на смертницу. Этот спор продолжился в уединении, куда декан Мирос меня пригласил для приватной беседы. Скандаль и крича я доказывала свою правоту, а он злился, скрипел зубами и сверкал глазами, молча. Видимо он привык, что одного взгляда достаточно, чтобы все молча согласились с его правотой. Но я не унималась. В какой-то момент он приблизился ко мне не позволительно близко, хотел подавить своим авторитетом. А я, я сквозь всю его созданную браваду увидела в глазах неподдельную заботу о той девчонке. Мне стало стыдно, и я опустила взгляд с его черных глаз ниже. А там ... Поджатые губы, он во время нашего спора ни разу не возразил, эти губы с момента нашего уединения ни разу не раскрылись. И я запнувшись на полуслове захлебнулась вдохом. Не думая, не воспитано облизала в раз пересохшие губы. А потом спор закончился страстным поцелуем. Девушка стала-таки адепткой боевого факультета, но по специальности защитная магия. Она визжала вися у меня на шее, целуя и осыпая благодарностью. А милорд Мирос Андрус в тот же вечер стал моим любовником. Да, имен-

но любовником. Он был женат и по-своему счастлив в браке. А я, я была его прихотью, а он моим оправданием. Мой сын тоже поступил в королевскую академию, он был одаренным магией и выбрал артификастику. Наверное, на этом стоило остановиться и быть счастливой. Но госпожа судьба внесла свои коррективы.

Пророчество.

Одна из верховных прорицательниц королевского двора трагически погибла. Ее отравили. И последнее, предсмертное, а значит сильнейшее и необратимое свое предсказание она озвучила прямо на балу. Меня там не было и быть не могло, но газетчики все ярко описали разнеся пророчество по всем концам королевства и за его пределы. Ирма, так звали пророчицу, она закатила глаза, и они покрылись молочно-белой пеленой. Она закричала от боли яд поражае ее тело. Музыка и разговоры стихли. И неестественным, чужим голосом она произнесла:

«Умрет король, умрет наследник, погибнет народ и королевство падет. Но лишь подруга королевы Катарина дэс Вильямс сможет вырвать оружие врага, а для этого она создаст свою семью. Тогда выживет король и наследник, тогда не падет королевство, тогда не умрет народ. Ее дети будут опорой, а муж союзником – это и будет лучшим миром для королевства и для нее.»

Стоит ли говорить, что в этот же вечер и меня и моего сына удостоили чести личной беседы с правящей четой.

Глава первая

Мои мужчины.

Он молод, слишком молод для меня. Ему лишь двадцать два, он адепт королевской академии магии, боевик, последний курс. Мне тридцать пять, мой сын адепт этой же академии и того же факультета, но другой специальности, только второго курса и ему 18 лет. Они не друзья и не враги. Просто иногда в одной компании гуляют, учатся. Порой встречаются в библиотеке, порой на тренировках. Они как день и ночь. Мой сын блондин с сине-голубыми глазами, с тяжелым и не по годам взрослым взглядом. Они оба безразличны к благам и богатствам других. Виторг высок и широк в плечах. На носу и щеках мелкие веснушки.

И он, он старше, но он юнец. Худ, очень. Брюнет с черными, словно тьма глазами, как у декана, первое, что подумала увидев его. Они даже внешне чем-то не уловимо похожи. Только Алекс светлокожий до бледного, легкий в общении и улыбочивый. Хотя в глазах та же печать, что и у сына, юных мальчишек познавших взрослую жизнь слишком рано. Он не разу не был пойман, но точно был организатором всех шалостей факультета. Он популярен среди девчонок. Они такие разные, мой замкнутый и рассудительный сын и этот легкий и на вид взбалмошный юнец, но узнав друг друга лучше они стали друзьями словно родные братья. Сначала это было просто задание у боевиков. Боевик капитан в команду подбирал защитника и артефактора и противостояли остальным

командам. И мой сын, любопытный и прямолинейный в своем деле, буквально вырвал себе право участвовать с первого курса обучения, хотя допускались к полевым играм не раньше третьего. Так они и сдружились.

И он стал частым гостем в нашем доме и в школе. С нами проживали многие мои ученики, не имеющие другого жилья, но кому не досталось места в общежитии. Да и адепты академий столицы, не имея другого приюта гостили в выходные. Он так же оставался у нас на выходных или в каникулы. За огромным столом мы все вели беседы, и я часто ловила влюбленные взгляды девушек и на нем, и на моем сыне. Но их словно ничего кроме учебы не интересовало.

Однажды на праздник весны, в конце первого учебного года моего сына Андрус пригласил меня в свой лесной дом. Его супруга не хотела уезжать из столицы и ехать с ним. Он решил поехать со мной. С моего благословения сын с Алексом устраивали дома праздник. А я ехала с любовником, поездом четыре в соседний городок. Потом возница вез нас за город. Дом был большой на два этажа ухоженный сад спереди и лес сзади, а в стороне на западе была река. Погода была отличной, солнце в зените. Мы вообще редко говорили, лишь любовники, даже без любви, взрослые люди уступившие страсти.

– Катарина, – ровно и сухо, как обычно, заговорил Андрус, когда закончив обед мы прошли в гостиную. – я не предаю жену. Ты моя слабость. Но она моя жизнь.

– Я знаю. Я никогда не просила тебя о большем, чем уже есть, к чему этот разговор?

– Ты же знаешь предсказание. И понимаешь, что меня там нет. По крайней мере в том, где все живы и все благополучно разрешится. Я давал клятву в храме и уже нарушаю ее с тобой. Я давал присягу... и с тобой ... Я не нарушу ее. Эти дни здесь, мы вместе в последний раз. Это прощание. Прости меня, Катарина.

– Не извиняйся. И не воспринимай все так. Ты не нарушил клятвы, не думай так. Со мной ты был лишь телом, душой, разумом, да и сердцем ты верен семье. И я ждала этот разговор, давно. Спасибо тебе. За все, что было и чего не было.

– Не необыкновенная, Катарина. У тебя все будет хорошо. Должно быть.

И мы оба замолчали погрузившись в свои мысли. Нашу задумчивость нарушил шум с улицы. Это была супруга Андруса. Она давно уже все поняла, не глупая женщина. И вот наверняка приехала расставить точки. Андрус отодвинул тяжелую портьеру и молча смотрел как с закрытой повозки вышла его жена. Она встретилась с ним взглядом и замерла. Она не видела меня за его плечом. Но я видела ее, боль, отчаянье в ее глазах...

– Я выйду через дверь для прислуги. До станции доберусь верхом. А дальше... Удачи тебе Андрус и спасибо за все.

Я сжала его ладонь на последних словах. Он не ответил, не шевельнулся. Наверное, даже не услышал моих слов. По-

прежнему стоял и смотрел на замершую жену, а она на него. Я ушла. На станции не было билетов на сегодня. И я отправилась домой, в столицу, верхом. Вновь нарушая все правила приличия и традиции я скакала в платье высоко его подняв и не в женском седле, по-мужски. Да еще и одна, без мужчины, без компаньонки. Ближе к столицы начался мелкий дождь, как будто мало было усталости и холода позднего вечера. Спина с непривычки уже не ныла, она окаменела от боли и напряжения, как и ноги. Но почувствовав дождь на лице я сорвалась и по щекам потекли слезы.

В конюшню я вошла все еще верхом. Сил хватило лишь слезть, нет, сползти с лошади и упасть рыдая в солому. Я не заметила, что не сама, не поняла кто именно меня звал. Указала на лошадь.

– Позаботьтесь. И уйдите.

Все, на большее меня не хватило. Я свернулась калачиком и затихла глотая слезы. Просто погрузилась в свою боль, душевную и физическую, тихо всхлипывая. Меня кто-то укрыл. А потом опять чьи-то голоса.

– Она тут, я укрыла ее и расседлала кобылу. Я искала Виторга, но не нашла. Вернее, встретила тебя.

– Молодец. Ты все правильно сделала. Никому ничего не говори. Леди Катарина сама поговорит с сыном, когда придет в себя. Я помогу ей. Иди развлекайся и не болтай. Иначе придется объясняться, что ты тут делала с конюхом.

– Что?

– Ничего. Ему тоже передай помалкивать.

– Хорошо.

Сдалась девушка. Голоса я узнала. Девушка – это дочь и помощница кухарки. А юноша – это друг Виторга, Алекс. Так похожий на моего любовника, точнее уже не моего. Он подошел ко мне, я слышала шаги. Я не реагировала, не было сил и желания. Он взял меня на руки, легко, словно пушинку. Заглянул в глаза, холодно, равнодушно. Такого взгляда у него я никогда не видела. Это опалило сердце болью и слезы вновь потекли по щекам. Я спрятала свое лицо на его плече. Тело без сил было в его руках.

– Накрой ее так, чтобы было не видно кто это. И можешь идти.

Меня укутали с головой. И Алекс понес меня. Не знаю куда и в тот момент мне было все равно. Нет, я не любила Андруса и не оплакивала того, чего никогда не было. Я оплакивала себя. Со дня, когда прозвучало то предсказание, ко мне шли как ко святыне. Семья резко раскаялась, и отец пытается наладить отношения. Те, кто еще вчера меня терпел, сегодня сватал своих сыновей, племянников, дядюшек и даже вдовцов отцов. Некоторые предлагали своих любовников и даже мужей. Одно во всем этом радовало, пожертвования и подарки школе сыпались как из рога изобилия. Но это только сильнее ранило меня, в самое сердце. Опять история повторяется, только теперь перспектива не в отце, а в королевской семье.

Скрипнула дверь, надо не забыть смазать петли, Меня положили на что-то мягкое. Развернули из покрывала. Это кровать. Родной, знакомый и любимый аромат цитрусов – это моя комната.

– Спасибо, Алекс.

Заставила я себя сказать, получилось сипло и тихо.

– Что это было? – Зло спросил он. – Вы что-то курили или принимали? Зелья, травы, смеси? И как?

Он говорил зло, рвано и в голосе было отчаянье и разочарование. При этом он снимал мои сапожки, потом пелерину на пуговках впереди и кажется несколько оторвал. Потом корсет и верхнюю юбку.

– О чем ты? Я не, я никогда...

– Да, да. Вы не принимаете ничего запрещенного. А когда скрывать будет невозможно, вам будет плевать.

– О чем ты, Алекс? – Я говорила хрипя и сипя.

– Я думал вы другая. А вы... Виторг знает? Вы о нем подумали? Хотя, о чем я. Если бы вы думали, его бы не было, а вы были бы в браке с каким-нибудь холеным аристократом.

Я разревелась. Он ушел хлопнув дверью. А я расплакалась словно девчонка перевернувшись на бок и свернувшись клубочком. Глупый мальчишка, обозленный, обиженный, глупый юнец. Я закрыла глаза надеясь заснуть. Дверь громко хлопнула.

– Не смей спать! Чтобы ты не приняла, это надо вывести из организма. Он раздел меня до пантопонов и нижней ру-

башки, а у меня не было сил сопротивляться. Я лишь подумала, что сегодня я одевалась для мужчины и белье на мне с кружевами и бантиками. Подхватил на руки и понес в умывальню. Посредине стояла большая деревянная ладья с водой. Магический артефакт очищал воду, а еще один грел. Меня грубо опустили в воду. Холодную, нет, ледяную воду. Я вскочила на ноги. Холодная вода намочила белье и волосы и без того замершее тело сковало холодом. Зубы застучали. А внутри как будто поселился сам лед.

– Ненормальный!

– Так надо! Организм быстрее выведет все чем вы его травили.

– Псих! Я ничем не травилась. Я устала и замерзла, я верхом без отдыха скакала с Тверка, я промокла под дождем. Я устала и замерзла. Я... – Я опять разрыдалась пряча лицо в ладошках. Крича осипшим голосом я пыталась выбраться из холодной воды, а он не позволял. – Я не ездила верхом с пятнадцати лет. Мне больно и холодно. Я натерла все что даже нельзя...

– Прости. – Алекс шептал и нагревал воду артефактом. Он осторожно уложил меня назад в воду. Все тело болело и знобило. Я была в одном нижнем белье, мокрая в прозрачной воде. Рядом юный мальчишка. Я нарушила все правила приличия этого общества, окончательно. Видимо я изначально такая, порченная. Иначе бы этого всего не было. Ни Алекса здесь, ни Андруса в моей постели, или его в моей. Ни Грэма.

Хотя нет.

– Я не жалею!

– О чем вы леди Катарина?

– Я не жалею о прошлом. У меня есть Виторг. И я не жалею, слышишь. Я бы прошла тот же путь, шаг за шагом, даже зная заранее обо всем, но не отказалась бы от сына. У меня есть Виторг и это того стоит, слышишь, мой сын стоит всего на свете.

Это произошло внезапно. Он просто склонился надо мною заглядывая в глаза, стал на колени не отрывая взгляда, будто ища там ответ.

– Я не жалею. Я горжусь сыном и собой за него горжусь.

Я говорила ровно и уверенно, так же смотря ему в глаза. Темные, словно сама тьма и я увидела в них блеск. Он поверил. А потом резко притянул меня к себе и поцеловал. Жестко, властно, бескомпромиссно, крепко удерживая меня. Словно ожидая сопротивления. И я должна, наверное, сопротивляться... Но сегодня мне было окончательно наплевать на всех. Плевать на все приличия, разницу в возрасте, на все и всех. Мне просто нужно было то, что происходило здесь и сейчас. Не почувствовав сопротивления он ослабил объятий, перестал вжимать меня в себя, он стал обнимать лаская. Его поцелуй изменился, он по-прежнему был требовательным и властным, но теперь еще и ласкающим, страстный. А потом так же неожиданно он отстранился. Мы оба глубоко дышали. Он провел своей рукой по моей щеке,

убрал налипшие пряди волос с лица. И смотрел, смотрел не знакомо мне, нежно, лаская и желая.

– Я помогу. Не бойся.

Он говорил полушепотом и с такой заботой, словно я его дитя. Снял с себя рубашку и остался с голым торсом в одних штанах. Молча раздел меня. Сначала разминал мое тело и растирал разогревая усталые мышцы. Доставал с воды ноги, одну, потом другую, массировал и чем-то смазывал. Потом руки, шею, плечи и спину. Потом мыл меня. Потом, разогрев воду до предела терпимого горячего состояния, мылил мне волосы и массировал голову, пока я лежала отогреваясь в горячей воде. Потом попросил встать, и я послушалась. А он мылил и тер меня, смывал и опять мылил, и тер. Он по-мальчишески краснел и избегал встречи глаз. Смыть окончательно с меня все мыло помог вылезти. Вытер меня почему-то чистой простынею. Завернул в другую и понес к кровати. Укрыл и ушел. Правда не на долго. Он вернулся со своей сумкой. Поставил запирающую сеть на дверь. Раскрыл меня и распеленал из простыни, перевернул меня и смешав мази из разных баночек начал массировать и втирать в мое чистое и распаренное тело смесь. Я лежала на животе и откровенно млела. От его рук, от запахов трав в мази, от ощущений которыми я наполнялась в его руках. Он начал с ног, все тело было укрыто простыней, и он разминал и массировал ноги. От самых пальчиков, стоп... Он мял, тер, сгибал и разгибал в коленях. Шептал заклинания исцеления. Потом

руки, шея, плечи, спина. Он чуть охрипшим голосом попросил меня перевернуться на спину. А я, словно сытая кошка мурча от удовольствия счастливо улыбалась. Он улыбнулся в ответ. Прикрыл меня простынею и вернулся к ногам. Потом к рукам, плечам и шеи. Я наблюдала за ним не скрывая интереса. А он красивый юноша. Сейчас черные глаза блестели и лучились. Густые четко очерченные брови, длинные ресницы. Лицо, юное, но такое взрослое, обветренное и ... Он все-таки посмотрел мне в глаза. Я не сдержалась, провела рукой по его щеке. Убрала за ухо его темные волосы, но их длины не хватило чтобы там задержаться. Я закусил губу и упрямо повторила пытаюсь убрать волосы открывая лицо. Он перехватил мою руку и поцеловал ладошку глубоко вдыхая.

– Не надо. – Он шептал не отрываясь от моей ладошки и по-прежнему целуя ее. – Я и так с трудом сдерживаюсь. Ты даже не представляешь, как это сложно. Я так давно мечтаю о тебе.

– Прости, я ...

Я прикусила губу, отвела взгляд и даже отвернула голову. Не знаю почему, но стало горько, по щеки потекла предательница – одинокая слеза. Да, что со мной сегодня и вообще? Я не плакала на людях с того дня как покинула родительский дом с сыном под сердцем. Так почему сегодня. Тем более сейчас, при этом юнце. Я не могу, не должна плакать. Он молча встал выпустив мою руку. Что-то достал из своей сумки и с громким хлопком открыл крышку. Снова присел

рядом на кровать.

– Выпей этот отвар, он поможет.

Я тяжело вздохнула приподнимаясь на локтях. Он не донес отвар до моих губ. Поднял свободную руку и вытер слезу и мокрый след от нее.

– Я не хочу так. В момент слабости. Не хочу пользоваться твоей болью и растерянностью.

Я придвинулась к спинке кровати и села. Это увеличило расстояние между нами. Молча взяла пузатую склянку и послушно выпила. Горькое. Очень. Я скривилась. И стало еще грустнее и опять предательница слеза повторила путь своей предшественницы. Я опустила глаза к полу и поникла.

– Ты молодец. Все правильно. Все и так, слишком. Но ты молодец, хоть и юн, совсем юн, но такой молодец. Все правильно.

Я говорила ровно. Но звучало все это скорее, как уговоры, убеждения меня. Такой испорченной и неправильной меня. Что я творю? Он же юн! Юн для меня, юн и добр ко мне. А я. Он друг моего сына. Что я творю. Я сползла на кровать скручиваясь калачиком и отворачиваясь от него.

– Спасибо за все. Укрой меня пожалуйста, мне холодно. И спасибо.

Я прикрыла глаза. Все, надо спать, срочно уйти в небытие. А он, он укрыл. А потом лег рядом. Приподнял и положил мою голову себе на руку. Прижался со спины и обнял.

– Спи. Просто спи. Когда кому-то плохо, он не должен

быть один. Я рядом. А ты спи.

Проснулась я ближе к обеду. По-хозяйски лежа на груди Алекса и обнимая его рукой и даже ногой. Кажется, просыпаясь я поцеловала грудь на которой лежала. А он выводил одни ему известные узоры на обнимающей его руке своей. А другой перебирал мои волосы. Что-то нашептывая и целуя макушку. Я притихла. Я знаю – это не правильно. Но мне было так уютно и спокойно, так хорошо. Я чувствовала тепло и счастье, а еще, рядом с этим юнцом я чувствовала себя защищенной. От всех и всего. Я улыбнулась и глубоко вдохнула запах тела на котором лежала. Хочу запомнить это чувство и этот запах. Он пах древесными нотками, моим любимым цитрусом, но с горчинкой грей фрукта и мною. Теми мазями из трав и моим мылом, которыми вчера меня тер. Стало чуточку обидно. Я хочу запомнить его запах, а он пахнет мною. И это обидно и приятно.

– Доброе утро леди Катарина.

– Доброе утро милорд Александр.

– Зачем вы так? Вы же знаете, мое происхождение...

– Да при чем тут это? Алекс, просто ты юн, совсем еще юн, но поверь, когда женщина просыпается в одной постели с мужчиной, «леди» – это последнее, что хочется слышать в его руках. Даже в нашей ситуации. Тем более в нашей.

– Простите. Я боялся обидеть. Я не хотел напугать. Я не позволил себе больше необходимого вчера и будьте уверены, ночью...

– Прекрати, Алекс. Просто замолчи. Не порть все. Прости, что напугала, прости что вместо праздничной вечеринки ты возился со мною. Прости за то, что было. Спасибо за все. Но прошу, замолчи.

И он замолчал. Крепко сжал меня в объятиях, громко втянул воздух у моих волос и поцеловал в макушку уже не таясь. А я млела в его руках, таких заботливых и надежных, мы молча лежали наслаждаясь этим временем. А потом он молча встал. Собрал все свои мази и склянки в сумку. Снял магическую сеть с двери и ушел не слышно закрыв за собой дверь. Позже встала и я. Его рубашку я нашла брошенной на полу в умывальне и спрятала среди чистого белья. Это моя тайна. Моя память. И его запах, запах мужчины с ароматом масел цитруса, горчинки грей фрукта и древесной нотки.

К тому времени как я вышла из своей комнаты, дом был уже убран, двор и сад убирали адепты, а мои ученики накрывали на стол готовясь к ужину.

До конца учебного года я не видела больше Алекса. Практика, экзамены. Даже сын появлялся редко. С Андрусом мы встречались на экзаменах. Мои ученики не могли пригласить родителей, не все из них, поэтому я их подменяла. Наши с ним отношения не изменились. Лишь взгляд, Андрус смотрел с благодарностью и уважением. А еще, к той кобыле, что так и осталась у меня, он подарил еще четыре. Вроде как школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.